

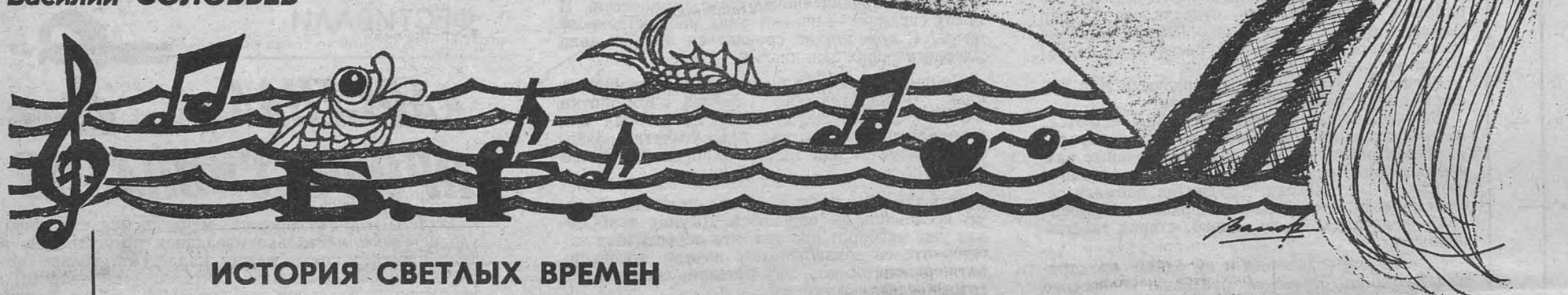
ЭКРАН И СЦЕНА

11 октября

ПРОФИЛЬ КУМИРА

Борис Гребенщиков. «Аквариум». Для многих — это не просто имя и название рок-группы. Это целый мир. Пароль. Знак времени. Сегодня мы публикуем отрывок из книги, готовящейся к печати. Ее автору — 23 года. Он студент V курса факультета журналистики Московского государственного университета.

Василий СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ СВЕТЛЫХ ВРЕМЕН

Контуры пути

Я ХОЧУ вспомнить и понять, зачем мы однажды сидели на кухне и слушали «Аквариум». Да и не пригрезились ли эти «чаи на полноточных кухнях»?

На дворе уже другая эпоха, и на острие рок-фронта другие имена. Но что бы сейчас ни происходило с «Аквариумом», с его людьми, они, будучи кислородом поколения, сделали уже столько, что это позволяет, минуя наносные эмоции, пристрастия и горечь, говорить о них как о еще одной светящейся точке на карте нашей культуры. Они заняли уже свое место, и этому месту ничто не повредит, потому что сделанное ими гуляет по свету и несть ему конца.

Рок-музыка, начавшаяся в нашей стране где-то в середине 60-х, вскоре сделалась массовым мировоззрением, что было не под силу всей музыке «стиляга» 50—60-х. И рок-поколение, подхватившее «весть из Ливерпуля», вело диалог уже с иными ценностями культуры, нежели люди предыдущей культурной генерации.

«Мы хотим жить исторически» — эту фразу О. Мандельштама, написанную в начале двадцатых, почти повторяет Б. Пастернак в своем романе, в период удушливого безвременья тоскуя по христианскому Логосу истории. Они еще помнили, что значит жить в осмысленной истории — поэзией или как-нибудь еще соучаствуя в исторической судьбе державы. Но рок-поколению 70-х помнить уже было нечего, история была у них отобрана, и поколение лишь узнавало, что такое участвовать в антиистории.

Отталкиваясь от расхожих стереотипов о том, что всякое выпавшее из истории поколение — обязательно потерянное, Борис Гребенщиков свое поколение называет «найденным». Есть много ответов на вопрос, почему поколение избрало рок, а не вальс, не революцию, не православие, не прозу и не поэзию. Я выберу такой ответ: рок снова возвратил на землю «простые вещи», сумев наполнить их новым и простым смыслом. Это, кажется, основное, почему рок и сумел выстоять на фоне унылой безысходности тогдашней брежневской поднебесной, превратив ее в декорации (и не больше) подлинных радостей и трагедий. «Рок был единственной жизнью духа», — скажет БГ позже.

Эпоха есть сон, и ее главное свойство вылетать из памяти. Но нам нужны хотя бы грубые декорации.

И я, не мудрствуя, выбираю портрет Брежнева, висевший у Кировского моста в праздничном первомайском ореоле, я выбираю разгоряченных активистов, волоком волокающих Колесницу Труда, разукрашенную флажками, лозунгами, правительственным иконостасом, шустрых, навязчивых цыганок моего детства, продающих леденцы и свистульки, бодрящий толпу матюгальник-транслятор первоапрельской с Красной площади, портреты пожилых лидеров, об один из которых беззвучно стучается привязанный к палке младенчески-розовый воздушный шарик, а также всю эту замполитовскую эстетику положительного воздействия яркого цвета, симметрии и прямых линий, то есть все то, что, возможно, застали за своим окном заболтавшиеся за стаканом портвейна рок-музыканты. Мне подходит этот вид из кухонного окна на праздничную толпу. Рокеры ложатся спать.

«Аквариум» никогда не воевал со временем, старался его не замечать, и нам хватало этой отдаленной декорации, к которой можно особо и не присматриваться, тем более что это декорация не музыки «Аквариума», но лишь его истории.

Жизнь группы на первых порах протекает шумно, весело и чрезвычайно бардачно. «Группа — образ жизни», и группа музыкантов — лишь повод для занимательного времяпрепровождения. Песенные слова и музыкальные гармонии словно и не сочиняются, а сами, как из яйца, вылуп-

ляются из нестройной какофонии шумов, болтовни, шуток, умных дебатов, звона стаканов, звука вытаскиваемых пробок. Музыка произрастает из повседневности и быта. «Аквариум» — дружеское объединение «людей и девочек», островок раз, что-то среднее между рок-группой и коммунальной хиппи, основанной на идее радости. Это состояние раскованного идиотизма давало возможность видеть старый «дорок-н-рольный» мир, живущий по «законам войны», отстраненно. «Группа — образ жизни», то есть попытка проживания по новооткрытым роком законам радости. Скажем, фразы из «Вавилона»: «Мы жили так странно две тысячи лет» или поздняя строчка: «Мир, о котором мы знали, подходит к концу, мир, о котором мы знали... — и бог с ним», вряд ли понятны без их реальной подоплеку, заключенной в жизни группы.

«Крамольность» «Аквариума» в те годы состояла в том, что БГ выводил свое «ремесло» за рамки существующих на этот счет представлений. Новым было Место.

Я сижу на крыше и я очень рад.

(«Аристократ».)

БГ — конформист или послушный подданный «конфуцианской» иерархической державы, не обремененный моральной ответственностью за творимое на других этажах общества зло, но знающий свое место работы, свой этаж земной иерархии, и на нем неколебимо стоящий. «Мое место здесь». Его «крамольность» — это просто песни, спетые в согласии с собой.

Центр тяжести мира оказывается внутри художника. Песни БГ, как правило, выражение внутреннего порядка или, наоборот, отклик на внутрен-

(Окончание на 8—9-й стр.).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

БУНТ НА КОРАБЛЕ СТОЛИЧНОГО ПРОКАТА. Корреспонденция Марины ПОРК.

3 страница.

ВСЛЕД ЗА СИРАНО. Рецензия Елены АЛЕКСЕЕВОЙ на спектакль Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина.

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД НА ТЕАТРАЛЬНОЙ НИВЕ. С новым «Театром Тень» знакомит критик Михаил ГУРЕВИЧ.

5 страница.

ТЕАТР ВИКТОРА БАЖЕНОВА. Фотохудожник и его работы.

10—11 страницы.

ВООБРАЖАЕМЫЕ ИСТОРИИ. Заметки Андрея ПЛАХОВА о XIV Международном кинофестивале в Монреале.

12—13 страницы.

«НА ВАШЕЙ ПЛАНЕТЕ Я НЕ ПРОЖИВАЮ». Стихопроза Александра ВОЛОДИНА.

14—15 страницы.